

ПОЛИТИЯ

Л.Г.Фишман

НАШ «НЕПРАВИЛЬНЫЙ» ПРАВЯЩИЙ КЛАСС: ЧЕГО ОТ НЕГО ЖДАТЬ?¹

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00427 (<https://rscf.ru/project/23-18-00427/>).

Леонид Гершевич Фишман — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург). Для связи с автором: lfishman@yandex.ru.

Аннотация. В статье представлен анализ двойной проблемы, встающей при изучении современного российского правящего класса, один из аспектов которой связан с адекватным теоретическим описанием этого класса, другой — с его самопозиционированием. Рассмотрены основные парадигмы теоретического осмысления природы данного класса — как буржуазии, как бюрократии и как номенклатуры. Показано, что, вне зависимости от адекватности описания правящего класса России в парадигмах буржуазии и бюрократии, в сложившейся ситуации ему предпочтительнее позиционировать себя в качестве наследника советской номенклатуры. Подобное позиционирование наделяет российский правящий класс значительно большей исторической субъектностью, чем та, на которую он мог бы претендовать в случае позиционирования себя как буржуазии или бюрократии.

Загвоздка, однако, в том, что в действительности советская номенклатура обладала весьма ограниченной исторической субъектностью и нуждалась во внешнем «редакторе» (регуляторе). Эту черту унаследовал и современный российский правящий класс, с чем связан ряд сложностей, испытываемых им в идеологической и аксиологической сферах. Поэтому от него не следует ожидать глобальных мироустроительных проектов. Максимум, что он может предложить остальным гражданам, это увеличение их доли ренты в виде социальных выплат, дальневосточного гектара, жалованья участникам СВО. Другой составляющей стратегии сближения с рядовыми гражданами могут стать популистские шаги, выражающиеся в отказе от выпячивания своей успешности. А формирующаяся вокруг такой стратегии «идеология» станет оформлением нового общественного договора, об общих чертах которого сегодня остается только догадываться.

Ключевые слова: буржуазия, бюрократия, номенклатура, правящий класс, идеология, общественный договор

Эффективность ответа на вызовы, с которыми сталкивается в настоящее время Россия, в определяющей мере зависит от правящего класса. За последний год этот класс продемонстрировал не только ценностно-мировоззренческую неоднородность, но и причудливое сочетание предсказуемости и непредсказуемости в реакции на текущую ситуацию. В известном смысле оказалось, что мы не вполне знаем класс, который управляет Россией в течение трех десятилетий. В связи с этим встает как проблема адекватного его описания, так и проблема его самопозиционирования. Каков правящий класс в оптике существующих подходов к его описанию и, что еще более важно, как ему самому перспективнее себя позиционировать? Актуальность этих вопросов особенно очевидна в нынешних условиях, когда на данный класс возлагаются большие и противоречивые ожидания.

Итак, что же такое правящий класс современной России? При его обсуждении часто используется довольно расплывчатый термин «элита», но какое конкретное содержание в него вкладывается? Ответ зависит от парадигмы, в которой рассматривается российский правящий класс. В целом можно выделить три основные парадигмы — «буржуазную», «бюрократическую» и «номенклатурную».

Правящий класс России как буржуазия и бюрократия

Точка зрения, согласно которой правящий класс России буржуазный, базируется на тезисе о реставрации капитализма в России². Российский капитализм обычно описывается как «неправильный», «капитализм с прилагательными» (бюрократический, олигархический, кумовской, семейно-клановый и т.д.). Некоторые исследователи говорят о двух стадиях капитализма в России — «олигархической» (1990-е годы) и «бюрократической» (с начала 2000-х годов)³. Отмечается, что в основе хозяйственного порядка в стране лежит традиционный институт власти-собственности с рудиментами советского социализма⁴. «Неправильность» государственного капитализма усугубляется его трансформацией в корпоративный, «что означает усиление в руководстве экономикой роли госчиновников и ухудшение позиций влияния бизнесменов на чиновников»⁵. Правящий класс, соответствующий природе этого капитализма, немногочислен, у него узкие социальные основания, и российский политический режим выражает в первую очередь интересы сырьевых миллиардеров и мультимиллионеров⁶. Следуя своей буржуазной природе, которая «вообще любит офшоры, низкие налоги, а лучше сокрытие прибыли — и никакой социальной ответственности», он не желает вести себя как «благотворитель». Тем самым его психология, «которую имеет и немало представителей высшей бюрократии», осложняет решение задач, подразумевающих выход за пределы классового эгоизма⁷.

Однако нынешний российский правящий класс лишь с большими оговорками можно отнести к выразителям интересов буржуазии. Нами правит не буржуазия, а скорее высокопоставленная бюрократия. Об

² См., напр. Кагарлицкий 2009.

³ Канарш 2016: 75.

⁴ Вольчик 2009: 174.

⁵ Черных 2021: 10—11.

⁶ Рахманов 2014: 57.

⁷ Колташов 2020.

этом свидетельствует уже тот факт, что как минимум формально страной руководят не буржуазные олигархи, а чиновники различных рангов. На протяжении десятков лет государственные чиновники прилагали огромные усилия, направленные на сохранение и расширение своего влияния и власти. У них сформировалось классовое сознание, «в котором осознанные государственной бюрократией собственные интересы противопоставляются интересам общества»⁸. Словом, на смену «олигархическому» капитализму пришел «бюрократический».

⁸ *Бюрократия и власть 2005.*

Но в России бюрократия тоже «неправильная», «неклассическая» — прежде всего потому, что она переплелась с буржуазией, навязывая капиталу свое участие в прибылях либо торгуя своими возможностями по предоставлению льгот, доступа к ресурсам, защиты от конкурентов⁹. Поэтому российский правящий класс нередко квалифицируют как олигархически-бюрократический. От классической бюрократии он отличается тем, что владеет одновременно и властью, и собственностью¹⁰. «Владетельное положение» этого класса позволяет описывать его даже не как класс, а как сословие¹¹. Специфика этого сословия заключается в том, что оно ориентировано прежде всего на власть и статус, а не на собственность и прибыль: обладание вторыми проистекает из обладания первыми. Управление государственной собственностью и общественными институтами осуществляется посредством создания системы формальной отчетности, далеко не всегда имеющей отношение к реальному содержанию деятельности, реальным достижениям и потерям.

⁹ *Левинсон 2015: 50.*

¹⁰ *Третьяков 2010.*

¹¹ *Кордонский 2008.*

Поскольку правящий класс является в большей степени бюрократическим, чем каким-либо другим, есть основания полагать, что его негативные черты (или специфические ограничения) тоже унаследованы от чиновничества. «Положение осложняется тем субъективным обстоятельством, — отмечает Александр Оболонский, — что средний чиновник часто искренне считает себя „честным стражем порядка“, „блюстителем государственных интересов“ и т.п. Но при этом он понимает их очень узко, в лучшем случае — с ведомственных позиций, а то и с позиций интересов начальника своего подразделения или своих личных. <...> он фактически расценивает себя не как слугу общества, а как исполнителя установленного административного порядка и воли своих руководителей»¹².

¹² *Оболонский 2019: 96.*

Исходя из сказанного, нетрудно заметить, что буржуазность и бюрократичность российского правящего класса друг другу не противостоят. Как подчеркивает Дэвид Гребер, у бюрократической эффективности и рыночной рациональности одни и те же фундаментальные принципы. «Это помогает объяснить, почему переход от первой ко второй осуществляется так просто, как это было в случае бывших советских чиновников, которые бодро переключились от полного государственного контроля над экономикой на тотальную маркетизацию»¹³. Сплав буржуазного этоса с бюрократическим непротиворечив в том смысле, что пронизан заботой о личной выгоде. Органично вписывается во

¹³ *Гребер 2016: 40.*

¹⁴ *Иноземцев 2018.*

вполне буржуазную психологию и стремление части государственных служащих позиционировать себя как новое дворянство, пусть даже оно, в противоположность дворянству традиционному, пока не пользуется благами формализованного принципа наследования и не ощущает себя сколько-нибудь защищенным от прихотей судьбы¹⁴. Но какие бы исторические костюмы ни примеряла на себя российская бюрократия, она не является классом, на уровне ценностей принципиально отличным от буржуазии, поскольку у нее вполне буржуазные приоритеты и потребности. Она «собственник» государства в широком смысле, сословие, которое может, в зависимости от ситуации, конституировать себя как дворянство мантии или дворянство шпаги. Свою бюрократическую функцию служения государству она воспринимает как условие удовлетворения своих буржуазных потребностей в частном порядке. Поэтому российский правящий класс с равным успехом можно трактовать и как интегрировавшуюся в бюрократический аппарат буржуазию, и как обуржуазившуюся бюрократию, которая извлекает рентные доходы из обладания собственностью на государственную систему и административный ресурс¹⁵.

¹⁵ *Акинин и Шевелев 2012: 71—72.*

Описывая бюрократию, Карл Маркс обращал внимание на то, что «государственный разум не в состоянии осознать частичность своей точки зрения, поскольку она базируется на мнимом тождестве Силы, Истины и Морали. <...> Индивиды, точки зрения, концепции и теории разделяются на два основных типа: тождество Абсолютной Истины, Абсолютной Морали и Абсолютной Силы; тождество Абсолютной Лжи, Абсолютного Зла и Абсолютного Бессилия»¹⁶. Будучи взят в своей бюрократической ипостаси, российский правящий класс относится к обществу характерным для бюрократии образом, полагая себя вершиной разумности, а общество — средой, в разной степени пронизанной «эманациями неразумия». В его глазах гражданское общество, в той мере, в которой оно удалено от государства, безрассудно, склонно впасть во всяческие соблазны, уязвимо для «экстремизма» и враждебной пропаганды, вообще морально незрело. Всякое отклонение от бюрократической рациональности воспринимается как психическая патология, из чего проистекает постоянное желание что-то запретить в качестве первой меры по решению насущных проблем. Такого рода рациональность сочетается со специфическим представлением об эффективности как о быстром достижении видимого результата, которым можно отчитаться. Отсюда — склонность к ориентации на всяческие рейтинги, до недавних пор преимущественно зарубежные. Бюрократии комфортно включаться в чужие формальные системы оценивания, основанные на количественных показателях. Это позволяет переложить ответственность на квазитрансцендентную инстанцию, воплощающую объективную высшую рациональность, которая выступает источником легитимности власти бюрократии.

¹⁶ *Макаренко 2021: 63—64.*

В целом рассмотренные выше интерпретации российского правящего класса следуют в русле западного обществоведческого мейн-

¹⁷ Мартянов и Фишман 2021.

¹⁸ Дерлугьян 2013: 206—207.

¹⁹ *Здесь стоит отметить, что само по себе применение по отношению к российскому правящему классу термина «элита» не проливает принципиально нового света на его сущность. Однако показательны споры по поводу того, правомерно ли вообще считать этот класс элитой (см., напр. Тощенко 1999; Симонян 2009; Шкаратам 2011; Макаренко 2014). Часто встречающийся отказ признавать элитарную природу российского правящего класса ввиду отсутствия у него ряда черт, которыми должна обладать элита, в большей степени говорит не о характере этого класса, а о том, что риторика на эту тему является закономерным продолжением мейнстримного морализующего нормативизма.*

стрима¹⁷. Поскольку в данных парадигмальных рамках подразумевается наличие «правильных» буржуазии и бюрократии, равно как и «правильного» капитализма, российский правящий класс описывается как «неправильный», являющий собой отклонение от нормативных образцов не в одну, так в другую сторону. Если этот класс трактуется как буржуазный, он представляется олигархическим, коррумпированным, сросшимся с бюрократией и т.д. при столь же «неправильном» кумовском капитализме. Если он характеризуется как бюрократически-чиновничий, то сравнивается с идеалтипической рациональной бюрократией или с приближающейся к ней бюрократией западных стран. В результате он вновь оказывается исполненным пороков и не отвечающим своему назначению, если только не рисуется как «суверенная бюрократия», что предполагает дистанцирование от нормативистского морализаторства¹⁸. В обоих случаях правящий класс России предстает лишенным полноценной исторической субъектности, то есть не обладающим собственными значимыми целями, кроме удержания господствующих позиций путем приспособления к существующему мировому порядку и усвоения «западных стандартов». С определенного момента становится трудно понять, имеем ли мы дело еще с испорченным бюрократией капитализмом или уже с испорченной капитализмом бюрократией.

При всех преимуществах и привычности такого подхода к российской правящей элите¹⁹, описание феномена российского правящего класса исключительно в терминах отклонения от нормы не может полностью удовлетворить исследовательский интерес. В нынешней ситуации позиционирование себя этим классом в качестве буржуазного или бюрократического не отвечает ожиданиям общества, которому правящий класс то и дело указывает на судьбоносность инициированных им глобальных перемен. Иными словами, у правящего класса возникает потребность в новом заколдовывании социального порядка и демонстрации своей ориентации на достижение возвышенных и универсальных целей, отвечающих интересам всего общества. Это проявляется в апелляции к тем аспектам своего генезиса, которые имеют отношение к историческому феномену, обладавшему, по крайней мере на первый взгляд, большей «суверенностью», оригинальностью, укорененностью в культурной почве и т.д., чем буржуазия или бюрократия. Таковым является советская номенклатура, которая выглядит гораздо более «суверенным» классом со своими исторически значимыми целями и ценностями и своим мироустроительным проектом.

Правящий класс как номенклатура

Когда современный российский правящий класс описывается как разновидность советской номенклатуры или прямой ее наследник, термин «номенклатура» нередко служит синонимом «неправильного» российского правящего класса вообще. В качестве примера такого централизованного описания российского правящего класса как тотально

«неправильного», вне зависимости от названия, можно привести следующий пассаж: «Российская „элита“ создана по шаблонам советской бюрократии. В России бюрократия взяла на себя задачу символической репрезентации власти для общества, а по отношению к массе играет роль тотальной бюрократической власти... Советская номенклатура и нынешняя „властная вертикаль“ России не является элитой ни по профессиональным, ни по деловым качествам. Но она не является и бюрократией, поскольку не обладает компетентностью, рациональностью, ответственностью. Современная российская бюрократия и интеллигенция воплощает отказ от модернизации, а российская элита срывается с властью»²⁰.

²⁰ Камкия 2015:
445—446.

Тем не менее имидж номенклатуры потенциально более удобен и привлекателен для российского правящего класса, нежели образ отклоняющейся от нормы буржуазии или бюрократии. Ведь если представить ущербной *исключительно* современную номенклатуру, в отношении номенклатуры советского типа становятся возможными и другие оценки. Появляется почва для представления, что в СССР, при всех его недостатках, была аутентичная «правильная» номенклатура и «правильность» ее обеспечивалась подчиненностью коммунистической партии и идеологической индоктринацией. Однако, как справедливо замечает Юлий Нисневич, «в результате номенклатурно-демократической революции из тела номенклатуры был „изъят“ внутренний жесткий стержень в виде монополюс правящей партии. <...> Лишившись жесткой сердцевины, правящая номенклатура превратилась в похожую на кочковатую болотную трясиину бугристую массу с множеством разных неравномерно многоступенчатых выступов, которая, как раковая опухоль, поражает не только государственную бюрократию, но структуры административного управления всех экономически и социально значимых институтов и систем жизнедеятельности общества и государства»²¹. Будучи наследницей советской, «тинообразная» российская номенклатура существенно отличается от нее в худшую сторону, так как выстроенная ею вертикальная иерархия политической и государственной власти постоянно демонстрирует неспособность устойчиво управлять делами государства и не является монолитной²². Это неудивительно, поскольку номенклатура вышла из-под контроля коммунистической партии и «превратилась в самодостаточный слой, который стал бороться за выживание так, как считал нужным. Партия оказалась самым ненужным элементом в системе номенклатурных связей. Из организатора номенклатуры она превратилась в ее лишний элемент, в отработанную конструкцию»²³. И даже когда говорится, что на смену советской номенклатуре пришла «постсоветская клептократура», под чьим влиянием деформировалась не только политическая, но и экономическая система²⁴, это подразумевает, что номенклатура *post factum* выглядит предпочтительнее. Показательно, что перспектива оценочно позитивного описания российского правящего класса как номенклатуры возникает не только в русле общей тенденции последних лет апеллировать ко

²¹ Нисневич 2015:
46.

²² Там же: 51.

²³ Мохов 2005: 111.

²⁴ Пастухов 2011:
157—158.

²⁵ В упомянутых выше дискуссиях по поводу правомерности квалификации постсоветского правящего класса как элиты именно цивилизационное своеобразие и историческая субъектность обычно считаются признаками «настоящей» элиты, которая озабочена в первую очередь благом народа и выражает его интересы на мировой арене.

²⁶ Роджерс 2019.

Соблазн возвращения к «номенклатуре 1.0»

²⁷ Пример такой мимикрии см. Медведев 2023.

всему советскому, но и в рамках теоретических подходов, авторов которых нельзя отнести к поклонникам советского в целом и номенклатуры в частности.

Другими словами, даже при общей недоброжелательности указанного взгляда на советскую номенклатуру ей не отказывается по крайней мере в цивилизационном своеобразии и исторической субъектности²⁵. Посредством достаточно прямолинейных приемов этот ореол исторической субъектности можно попытаться перенести на современный российский правящий класс, который позиционирует себя и российский народ как силу, меняющую обветшавший мировой порядок на более справедливый. Например, путем противопоставления патристической номенклатуры космополитичному и эгоистичному классу капиталистов, причем в этом случае у номенклатуры обнаруживается прямотаки социалистический потенциал: «...правящий класс в России — не капиталисты, а номенклатура. Как и в СССР. Потому что в России — госкап. А это переходная стадия к социализму»²⁶.

С учетом подобного рода установок и настроений для правящего класса бесперспективно позиционировать себя в качестве «правильной бюрократии» или «правильной буржуазии», тем более что в отечественной истории их отыскать непросто. Между тем «правильную номенклатуру» застали многие; во всяком случае, у многих успели сложиться мифологические ностальгические представления о наличии таковой. Специальная военная операция в Украине и ее глобальные последствия позволяют говорить о назревшей трансформации отечественной элиты, которая пытается мимикрировать под советскую номенклатуру в имиджевом плане²⁷. Если нынешняя номенклатура «неправильная», возникает соблазн вернуться к «правильной». Но как? Для остающейся у власти части российского правящего класса более всего удобна риторика очищения от «либералов» и прочих «агентов Запада». Действительно, это самый простой и наименее травматичный способ. Он подразумевает, что наш правящий класс в общем соответствует тем вызовам, которые бросает ему очередной поворот истории, и потому речь идет не о качественных изменениях, а об избавлении от «врагов» и исправлении отдельных недостатков. К достоинствам этой стратегии оптимизации можно отнести и то, что на символическом и риторическом уровне она явственно перекликается с известными событиями советского прошлого, когда многие проблемы решались путем разного рода «чисток».

Однако здесь закономерно возникает несколько вопросов. Во-первых, какова степень действительной исторической субъектности советской номенклатуры, наследником которой себя склонен позиционировать современный правящий класс? Во-вторых, насколько продуктивна базирующаяся на этом фундаменталистском мифе о советской номенклатуре стратегия оптимизации?

По ряду причин эффективность этой стратегии выглядит весьма ограниченной. И главная из них заключается даже не в невозможности дважды войти в одну реку, а в том, что сама река никогда не была столь прозрачной, как может показаться ностальгирующему взгляду. Об этом свидетельствует, в частности, анализ советской системы Алексеем Юрчаком: «В сталинский период наличие внешней фигуры идеологического языка позволяло этому языку оставаться логически открытым, поскольку ее голос претендовал на уникальную способность выражать некий якобы объективный, независимый, внешний канон истины. Таким образом, создавалось пространство публичного метадискурса, в котором проводилась оценка и корректировка идеологического языка по отношению к этому внешнему канону. Но когда в позднесоветский период позиция внешней фигуры исчезла, логическая структура идеологического языка замкнулась. Теперь то, что представлялось как новая информация, было ограничено рамками уже существующей информации, которая уже упоминалась где-то раньше, в каких-то предыдущих текстах и высказываниях»²⁸.

²⁸ Юрчак 2014: 154.

Иными словами, фундаменталистский миф о номенклатуре отсылает к временам, когда та не обладала чертами полноценного политического и идеологического субъекта, то есть когда у нее был сильный внешний регулятор (редактор) в виде Иосифа Сталина, Партии со Сталиным или, на худой конец, Партии без Сталина, но все-таки формулирующей некие нормы и каноны. С уходом этого «редактора» он был замещен отчасти неполноценным субъектом, стремящимся лишь соответствовать оставшемуся канону либо вначале тайно, а затем открыто заимствующим этот канон на Западе. Принципиально то, что в любом случае канон, будь он либеральным или «традиционным», не вырабатывается самим субъектом, а берется извне. Этот канон можно только уточнять и совершенствовать подражание ему, зачастую формальное. Учитывая сказанное выше, понятно, почему так популярно описание российского правящего класса в категориях мейнстрима западных политических наук — как отклонения от нормы. Потому что в конечном счете это *его самописание*, вытекающее из онтологически обусловленной потребности всегда иметь внешний образец для соотнесения, если нет своего «редактора».

Отсюда же и проблемы, с которыми сталкивается российский правящий класс при попытках эксплуатации номенклатурного мифа возвращения к истокам. Номенклатура с идеологией — это потенциально уже слишком зависимая от внешнего «редактора» номенклатура. Наличие идеологии грозит номенклатуре ограничением суверенности в прагматически своекорыстном плане, которое в огромной мере было предопределено ее положением в структуре советского общества и от которого она как класс стремилась освободиться. Советское общественное устройство, замечает по этому поводу Евгений Семенов, «побуждало всех (кроме номенклатуры) стремиться подняться на более высокую ступень. Только номенклатуре некуда было расти внутри

системы, и она ориентировалась на „заграницу“ — устраивала детей в соответствующие вузы и на последующую работу в посольствах, торгпредствах, корреспондентских пунктах и т.п. Именно номенклатура оказалась актором перестройки, а ее коррумпированная часть — главным бенефициаром краха общественной системы и страны (курсив мой. — Л.Ф.)»²⁹.

²⁹ Семенов
2021:14–21.

Разрушив же систему, номенклатура достигла положения, в котором она, как и раньше, не обладала полноценной исторической субъектностью, «элитарностью». Но теперь ее это вполне устраивало, поскольку взамен она получила желанную «шкурническую» суверенность. Так проявилась чрезвычайно развитая способность номенклатуры приспосабливаться к изменению обстоятельств, что позволяет питать надежды на благоприятное разрешение драматической ситуации, в которой оказалась сегодня Россия. Однако необходимо учитывать, что приспособляемость, которую до сих пор демонстрировала постсоветская номенклатура, была следствием отсутствия полноценной исторической субъектности. Сама по себе способность приспособляться отнюдь не безусловное благо, по крайней мере для правящего класса. Приспосабливаться — значит идти в чьем-то фарватере, подражать, мимикрировать — что угодно, только не формулировать свои цели, если, конечно, они не выходят за горизонт повседневности, не являются чисто потребительскими и касающимися удержания власти.

Но именно успех стратегии приспособления, по-видимому, породил у российской номенклатуры чувство самоуспокоенности, «благородной уверенности, самооговаривания и внушения другим, что мы движемся в правильном направлении, постепенно и как бы автоматически, само собой в более или менее отдаленной перспективе сближаясь с другими развитыми странами»³⁰. Специфика исторического периода, в который она формировалась, наделила ее чертами в широком смысле «успешных людей», которые конвертировали свои административные ресурсы в собственность (ради престижного потребления) либо, напротив, закрепили статус собственников путем интеграции в бюрократическую элиту. Этот класс отличает твердая вера в то, что положение его представителей вполне заслужено и обусловлено их выдающимися качествами и трудом на благо отечества. То, что они «поднимались» с относительно низкой стартовой позиции и «вставали с колен» вместе со всей страной, заставляет их думать, что у них нет особых моральных обязательств перед остальным народом. Если прочие не достигли сопоставимого успеха, то им следовало бы не жаловаться, а просто больше работать — или умерить аппетиты. С их точки зрения, существующее в обществе неравенство справедливо, и верхушка правящего класса получает сверхдоходы исключительно потому, что состоит из высококвалифицированных менеджеров, да и в целом «они как начальники должны получать больше». Как отмечает Денис Новиков, «по мнению господствующего класса, широкие социальные слои не только не имеют права на получение рентного дохода, но, наоборот, сами должны

³⁰ Гудков и Дубин
2007: 86.

быть источниками ренты». В качестве примера публичной артикуляции господствующим классом данной идеи он приводит скандальное высказывание свердловской чиновницы Ольги Глацких: «Молодые люди считают, что государство им все должно. Нет, вам государство вообще, в принципе, ничего не должно. Вам должны ваши родители, которые вас родили. Государство не просило их вас рожать, если мы будем идти от истоков». И хотя позднее Глацких переформулировала свой тезис, суть ее позиции не изменилась³¹.

³¹ Новиков 2020.

**Между
«национальной
идеологией» и
«традиционными
ценностями»**

Текущая историческая ситуация отражается в сознании ответственного правящего класса как сочетание субъективной уверенности в том, что в идейной области он уже обладает (поскольку успешен) всем потребным³², с нарастающим пониманием, что этого недостаточно. Возможно, это выводящее из зоны комфорта понимание обусловлено не только вызовами объективной реальности, но и советским наследием, которое подразумевает, что номенклатура всего лишь «слуга народа». Поэтому она нуждается в «нормализации», предполагающей подчинение ее усилий «большой легитимной задаче, в которую смогут встраиваться личные карьерные амбиции, элементарные интересы самосохранения, предполагающие высокую предсказуемость служебной деятельности, и социализованное самоуважение (по известным формулам „Служить бы рад, прислуживаться тошно“, „За державу обидно...“»³³. Трудно отрицать, что «базовая ценность постсоветской номенклатуры и ее *собственная* (курсив мой. — Л.Ф.) идеология заключается в достижении материального обогащения и социального превосходства посредством использования публичной власти»³⁴. Однако ход событий требует от нее проявлений иного рода суверенности, ради которой ей придется поступиться суверенностью достигнутой. Поэтому вопрос о суверенитете для нее ключевой и очень болезненный (что, в частности, нашло отражение в трактовке России как «суверенной демократии»). Можно утверждать, что номенклатура все более явственно встает перед выбором между суверенитетом, удобным для нее самой, и суверенитетом, который необходим для остальных граждан.

³² Отсюда широкое распространение представления, что суть национальной идеи России вполне может быть сведена к патриотизму.

³³ Дерлугьян 2013: 222.

³⁴ Нисневич и Рябов 2016: 173—174.

Но как достичь такого суверенитета или хотя бы имитировать его? Первое, что приходит в голову, — симулировать наличие идеологии, теперь уже, конечно, не коммунистической, а «национальной».

Нашим элитам известно, что их нынешнее состояние без «идеологии» ненормально. В свое время Владимир Пастухов* проницательно предсказал, что им еще «придется заплатить за то, что они оставили в своих головах кашу из либеральных, националистических, социалистических и еще Бог знает каких идей. Им придется заплатить за недодуманность, недоделанность, недоосмысленность, за культивируемую инфантильность и духовное иждивенчество»³⁵. Однако показательно, что упорядочить эту «кашу» до сих пор не получилось. При том что на

³⁵ Пастухов 2011: 159.

самых высоких уровнях российского правящего класса периодически поднимался вопрос о необходимости «национальной идеологии», ее в сколько-нибудь внятном виде так и не появилось. С одной стороны, постановка вопроса об идеологии привлекательна для бюрократической ипостаси российского правящего класса, которая видит себя воплощением разумности и рациональности. Идеология импонирует бюрократии своим потенциалом рационального упорядочивания картины мира и возможностью использования для индоктринации граждан, что, безусловно, помогает в управлении. С другой стороны, она требует и большей ответственности если не перед абстрактным «гражданским обществом», то перед неким внешним по отношению к бюрократии социальным субъектом. Наследница советской номенклатуры прекрасно, на генетическом уровне, помнит, что, хотя для достижения большей эффективности (определяемой опять же извне) и нужна какая-то идеология, она же является средством контроля над управленцами. Не случайно вместо идеологии была сделана ставка на «традиционные ценности», которые общие (или должны выглядеть таковыми) у правящего класса и общества. Стратегия «пугать» идеологией, но на деле ограничиваться размытыми ценностями как нельзя лучше подходит номенклатуре, которая правит сама, делая вид, что правит от имени общества.

Показательно и другое. Принципиальная несклонность к изобретению нового в вопросах идеологии заметна уже у поздней советской номенклатуры, все более стремившейся выработать некий канон и следовать ему. До недавних пор постсоветская номенклатура пыталась ориентироваться на зарубежные либеральные каноны, затем во все большей степени, по крайней мере на символическом уровне, на каноны позднесоветского периода. То же самое наблюдается и в других областях, например в образовании, где в качестве решения проблем сегодняшнего дня предлагается усилить соответствие советскому канону, то есть вернуть в школы предметы, которые там преподавались ранее, начиная с логики, астрономии и НВП и заканчивая черчением. А когда речь заходит о традиционных ценностях и символах, они тоже явно или скрытно заимствуются как в собственном прошлом, так и извне — чего стоят хотя бы консервативно-христианские «традиционные семейные ценности», скопированные у американских правых, или перенятый у тех же американцев ежедневный подъем флага в школе.

В нынешней ситуации постсоветская номенклатура не может ни выработать себе идеологию сама, ни заимствовать ее извне, ни отдать процесс выработки идеологии на откуп гражданскому обществу. У нее есть основания подозревать, что гражданское общество, которое номенклатура мерит по своей мерке, не отличается от нее качественно в моральном и политическом плане, то есть нуждается во внешних образах и, следовательно, уязвимо для манипуляций извне. Отсюда и озабоченность разного рода внешними влияниями, что, в частности, воплощается в практике присвоения статуса «иноагента» даже в слу-

чаях, когда не удастся точно установить «принципала». Поэтому наша элита остается в состоянии, если можно так выразиться, негативной субъектности и демонстрирует склонность законсервировать общество в нем же.

Чего ожидать?

Вернемся к сказанному выше о символическом откате постсоветской «неправильной» номенклатуры к некоему инварианту правильной неосоветской путем очищения от инородных элементов. В начале СВО нередкими были высказывания в духе: «Когда мы порвали с Западом, внутри Садового кольца вынужденно осталась значительная часть элит, работавших на противника. Выезжаешь на фронт или в регионы России — в нашу глубинную страну, и там таких проблем уже нет. Даже на уровне власти — там нет уже никаких западных элементов. И люди легко и естественно перестраиваются на новый лад. Это очень легко для нашего народа — и совершенно невозможно для этой прозападной элиты»³⁶. Выглядело так, будто стоит избавиться от «прозападной» части элиты, и дело пойдет на лад. В действительности же основная загвоздка не в «крысах» из прозападной элиты, а в самых что ни на есть лояльных. «Крыс» вывести можно, но от этого ограниченность оставшихся не исчезнет. Владимир Познер в значительной мере был прав, когда говорил, что российский правящий класс не способен справиться с вызовами потому, что он советский. Но проблема не только в склонности правящего класса к силовому способу решения вопросов, не только в том, что, осознавая необратимое исчезновение старой системы, он не понимает, как управлять в новой, и делает это старыми методами, и даже не в том, что он «рабский» и не привык говорить первым лицам в лицо правду и т.д.³⁷ Проблема в том, что оставшийся незападный и самый что ни на есть патриотический класс в действительности так же не мыслит себя полноценным историческим субъектом, как и советская номенклатура и прозападные либералы. Для того чтобы он мог выполнять свою историческую миссию, ему нужно либо переродиться, либо вновь обрести кого-то, кто бы указывал путь извне, некий «класс, стоящий над чиновничеством»³⁸.

В этих условиях каких консолидирующих общество действий стоит ожидать рядовым гражданам от российского правящего класса? В обозримом будущем нам не следует ждать каких-то «высоких смыслов». Для постсоветской номенклатуры естественно и понятно привычное состояние суверенитета без исторической субъектности, подпитываемое эгоизмом цепко держашегося за «свое» правящего класса. Ограниченность его «государственного мышления» и «патриотизма» проявляется в том, что он не способен выработать некую мироустроительную идею, действительно альтернативную глобальному неолиберальному капитализму под американской гегемонией. Класс, который, осознав себя, приложил массу усилий, чтобы обеспечить себе и своим потомкам пожизненную ресурсно-административную ренту, в лице

³⁶ *Элите придется выбирать 2023.*

³⁷ *Познер 2019.*

³⁸ *Халдей 2019.*

наиболее трезво мыслящих своих представителей способен дорасти до восприятия страны как большой корпорации, в которой у всех граждан должна быть достойная (или представляющаяся ему таковой) доля. Поэтому максимум, что он может предложить остальным гражданам, это увеличение их доли ренты в виде социальных выплат, дальневосточного гектара, жалования участникам СВО. Другой составляющей стратегии сближения с рядовыми гражданами могут быть популистские шаги, выражающиеся в более скромном поведении, отказе от выпячивания своей успешности. А «идеология» или «национальная идея», формирующаяся вокруг такой стратегии, станет оформлением нового общественного договора, о конкретных чертах которого сегодня остается только догадываться.

Библиография

- Акинин А.А. и А.А.Шевелев. (2012) «К вопросу о природе государства и правящего класса в современной России: ответ „Эксперту“» // *Философия хозяйства*, № 6: 61—77.
- Бюрократия и власть в новой России: позиции населения и оценки экспертов. Аналитический доклад.* (2005) URL: https://www.isras.ru/analytical_report_bureaucracy.html (проверено 10.04.2023).
- Вольчик В.В. (2009) «Эволюция российского института власти-собственности» // *Политическая концептология*, № 1: 154—178. URL: <https://politconcept.sfedu.ru/2009.1/11.pdf> (проверено 10.04.2023).
- Гребер Д. (2016) *Утопия правил: О технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Гудков Л. и Б.Дубин. (2007) «Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли „элиты“» // *Pro et Contra*, т. 11, № 3: 73—97.
- Дерлугьян Г. (2013) *Как устроен этот мир: наброски на макро-социологические темы*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Иноземцев В.* (2018) «Аристократы или феодалы? Какой правящий класс формируется в современной России» // *Мировой кризис: хроника и комментарии*, 04.06. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/3066358> (проверено 10.04.2023).
- Кагарлицкий Б.Ю. (2009) *Периферийная империя: циклы русской истории*. М.: Алгоритм; Эксмо.
- Камкия Б.А. (2015) «Политический контекст и проблема бюрократии» // Макаренко В.П., ред. *Русская власть и бюрократическое государство*. Ч. 2. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет: 432—453.
- Канарш Г.Ю. (2016) «Современный российский капитализм: социологический, политико-экономический и антропологический аспекты» // *Знание. Понимание. Умение*, № 4: 70—85.
- Колташов В. (2020) «Грандбюрократия оседлывает бизнес» // *Инвест-Форсайт*, 21.04. URL: <https://www.if24.ru/grandbyurokratiya-osedluyaet-biznes/> (проверено 10.04.2023).

Кордонский С. (2008) «Словная структура постсоветской России (часть II)» // *Мир России*, т. 17, № 4: 6—36.

Левинсон А.Г. (2015) «Капитализм и социализм как миф и легенда» // *Общественные науки и современность*, № 1: 37—51.

Макаренко В.П. (2014) «Элиты или господствующие меньшинства?» // *Лидер, элита, регион: Материалы научно-практической конференции с международным участием, 27—28 октября 2014 г., Ростов-на-Дону*. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС: 321—336.

Макаренко В.П. (2021) *Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Организм-паразит: концепт бюрократии в трудах К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина. Революция и власть: размышления политолога*. Ростов-на-Дону, Таганрог: Изд-во Южного федерального университета.

Мартьянов В.С. и Л.Г.Фишман. (2021) «Социальные науки и глобальная турбулентность: перезагрузка мейнстрима» // *Мировая экономика и международные отношения*, т. 65, № 1: 100—113. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/01_2021/12-MARTYANOV.pdf (проверено 10.04.2023).

«Медведев зачитал директорам заводов ОПК телеграмму Сталина». (2023) // *РИА Новости*, 23.03. URL: <https://ria.ru/20230323/zasedanie-1860172287.html> (проверено 10.04.2023).

Мохов В.П. (2005) «Номенклатура как политический институт в истории советского общества второй половины XX века» // *Управленческое консультирование*, № 1: 94—111.

Нисневич Ю.А. (2015) *Регенерация номенклатуры как правящего социального слоя*. Препринт WP14/2015/03. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. URL: https://www.hse.ru/data/2015/07/20/1086195558/WP14_2015_03.pdf (проверено 10.04.2023).

Нисневич Ю.А. и А.В.Рябов. (2016) «Современный авторитаризм и политическая идеология» // *Полис. Политические исследования*, № 4: 162—181. URL: https://www.polistudies.ru/files/File/2016/4/Polis_4_2016-Nisnevich_Ryabov.pdf (проверено 10.04.2023).

Новиков Д.В. (2020) «Рентное сознание современной российской элиты» // *Науки о человеке, обществе и культуре*, № IV-2 (44). URL: <https://www.uzknastu.ru/en/archnum/52-2020-/152--iii-44-2020-1-r.html> (проверено 10.04.2023).

Оболонский А.В. (2019) «Чиновник как социальное зло (патологии бюрократического сознания)» // *Общественные науки и современность*, № 1: 87—98. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/251444553.pdf> (проверено 10.04.2023).

Пастухов В.Б.* (2011) «Предчувствие гражданской войны. От „номенклатуры“ к „клептоклатуре“: взлет и падение „внутреннего государства“ в современной России» // *Полис. Политические исследования*,

№ 6: 143—159. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2011/6/13.pdf> (проверено 10.04.2023).

«Познер о правящем классе в России: „Путин окружил себя людьми, которые думают, как сказать то, что ему понравится“». (2019) // *Бизнес Online*, 28.12. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/452102> (проверено 10.04.2023).

Рахманов А.Б. (2014) «Капиталистический класс современной России и его основные характеристики» // *Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология*, № 2: 37—58.

Роджерс А. (2019) *Так кто правящий класс в России?* URL: <https://alexandr-rogers.livejournal.com/1111346.html> (проверено 10.04.2023).

Семенов Е.В. (2021) «Долгое эхо 1991 года: социальный смысл катастрофы» // *Социологические исследования*, № 8: 14—21. URL: <https://www.socis.isras.ru/files/File/2021/8/Semenov.pdf> (проверено 10.04.2023).

Симонян Р.Х. (2009) «Элита или все-таки номенклатура? (Размышления о российском правящем слое)» // *Общественные науки и современность*, № 2: 114—124.

Тощенко Ж.Т. (1999) «Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами?» // *Социологические исследования*, № 11: 123—133.

Третьяков В. (2010) *Класс господ и владельцев*. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Rus_Jornal/50/11.pdf (проверено 10.04.2023).

Халдей А. (2019) *Эволюция правящего класса в России*. URL: <https://www.discred.ru/2019/03/16/evolyutsiya-pravyashhego-klassa-v-rossii/> (проверено 10.04.2023).

Черных С. (2021) «Государственный капитализм в России: теория, практика и современные тенденции» // *Общество и экономика*, № 2: 5—17. URL: https://inecon.org/docs/2021/Chernykh_SE_2_2021.pdf (проверено 10.04.2023).

Шкаратан О.И. (2011) «Российская псевдоэлита и ее идентификация в мировом и национальном контекстах» // *Политическая концептология*, № 4: 130—140. URL: <https://politconcept.sfedu.ru/2011.4/07.pdf> (проверено 10.04.2023).

«Элите придется выбирать: Разгонять „крысиное царство“ в России зовут „грузчиков“». (2023) // *АДИ* 19, 8.01. URL: <https://adi19.ru/news/63170-elite-bridetsa-vybirat-razgonat-krysinoe-carstvo-v-rossii-zovut-gruzchikov> (проверено 10.04.2023).

Юрчак А. (2014) *Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.

* Внесен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов.

ПОЛИТИКА

L.G.Fishman

OUR “WRONG” RULING CLASS: WHAT TO EXPECT FROM IT?

Leonid G. Fishman — Doctor of Political Science; Professor; Chief Researcher at the Institute of Philosophy and Law, The Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg). E-mail: Ifishman@yandex.ru.

Abstract. The article presents an analysis of the double problem that arises in the study of the contemporary Russian ruling class: one aspect of this problem is related to an adequate theoretical description of this class, and the other aspect concerns its self-positioning. The author considers the main paradigms of theoretical understanding of the nature of this class — as bourgeoisie, as bureaucracy, and as nomenklatura. The article demonstrates that, regardless of the adequacy of the description of Russia’s ruling class within the paradigms of bourgeoisie and bureaucracy, in the current situation the class prefers to position itself as the heir to the Soviet nomenklatura. Such a positioning endows the Russian ruling class with a much greater historical subjectivity than it could claim if it positioned itself as bourgeoisie or bureaucracy.

The catch, however, is that in reality the Soviet nomenklatura possessed a very limited historical subjectivity and needed an external “editor” (regulator). The modern Russian ruling class has inherited this trait, which caused a number of difficulties that it experienced in the ideological and axiological spheres. Therefore, one should not expect global world-building projects from this class. The maximum that it can offer to other citizens is to increase their share of rent in the form of social payments, a Far Eastern hectare, and salaries to members of the special military operation. Taking populist steps, manifested in the refusal to show off their success, could become another component of the strategy of rapprochement with ordinary citizens. An “ideology” that is being formed around such a strategy will become a design of a new social contract. Today one can only guess what such contract will be about.

Keywords: bourgeoisie, bureaucracy, nomenklatura, ruling class, ideology, social contract

References

Akinin A.A. and A.A.Shevelev. (2012) “K voprosu o prirode gosudarstva i pravjashchego klassa v sovremennoj Rossii: otvet „Eksperthu“” [On

the Nature of the State and the Ruling Class in Modern Russia: Reply to “Expert” // *Filosofija khozjajstva* [Philosophy of Economy], no. 6: 61–77. (In Russ.)

Bjurokratija i vlast' v novoj Rossii: pozitsii naselenija i otsenki ekspertov. Analiticheskij doklad [Bureaucracy and Power in New Russia: Population's Position and Experts' Views. Analytical Report]. (2005) URL: https://www.isras.ru/analytical_report_bureaucracy.html (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Chernykh S. (2021) “Gosudarstvennyj kapitalizm v Rossii: teorija, praktika i sovremennye tendentsii” [State Capitalism in Russia: Theory, Practice and Modern Trends] // *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], no. 2: 5–17. URL: https://inecon.org/docs/2021/Chernykh_SE_2_2021.pdf (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Derluguian G. (2017) *Kak ustroen etot mir: Nabroski na makroekonomicheskie temy* [How the World Works: Sketches on Macroeconomic Topics]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

“Elite pridjetsja vybirat’: Razgonjat’ „krysinoe tsarstvo“ v Rossii zovut „gruzchikov“” [The Elite Will Have to Choose: “Loaders” Are Called to Disperse the “Rat Kingdom” in Russia]. (2023) // *ADI* 19, 8.01. URL: <https://adi19.ru/news/63170-elite-pridetsa-vybirat-razgonat-krysinoe-carstvo-v-rossii-zovut-gruzchikov> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Graeber D. (2016) *Utopija pravil: O tekhnologijakh, gluposti i tajnom obajanii bjurokratii* [The Utopia of Rules: On Technology, Stupidity, and the Secret Joys of Bureaucracy]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Gudkov L. and B.Dubin. (2007) “Illuzija modernizatsii: rossijskaja bjurokratija v roli „elity“” [The Illusion of Modernization: The Russian Bureaucracy as the “Elite”] // *Pro et Contra*, vol. 11, no. 3: 73–97. (In Russ.)

Inozemtsev V. (2018) “Aristokraty ili feodaly? Kakoj pravjashchij klass formiruetsja v sovremennoj Rossii” [Aristocrats or Feudal Lords? What Kind of Ruling Class Is Being Formed in Modern Russia] // *Mirovoj krizis: khronika i kommentarii* [The World Crisis: Chronicle and Commentary], 04.06. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/3066358> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Kagarlitsky B.Yu. (2009) *Periferijnaja imperija: tsikly russkoj istorii* [The Peripheral Empire: Cycles of Russian History]. Moscow: Algoritm; Eksmo. (In Russ.)

Kamkiya B.A. (2015) “Politicheskij kontekst i problema bjurokratii” [Political Context and the Problem of Bureaucracy] // Makarenko V.P., ed. *Russkaja vlast' i bjurokraticheskoe gosudarstvo* [Russian Power and the Bureaucratic State]. Part 2. Rostov-on-Don: Juzhnyj federal'nyj universitet: 432–453. (In Russ.)

Kanarsh G.Yu. (2016) “Sovremennyy rossijskij kapitalizm: sotsiologicheskij, politiko-ekonomicheskij i antropologicheskij aspekty” [Contemporary Russian Capitalism: Sociological, Political-Economic, and Anthropological Aspects] // *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], no. 4: 70–85. (In Russ.)

Khaldej A. (2019) *Evoljutsija pravjashchego klassa v Rossii* [Evolution of the Ruling Class in Russia]. URL: <https://www.discred.ru/2019/03/16/evolyutsiya-pravyashhego-klassa-v-rossii/> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Koltashov V. (2020) “Grandbjurokratija osedlyvaet biznes” [Grand Bureaucracy Saddles Business] // *Invest Foresight*, 21.04. URL: <https://www.if24.ru/grandbyurokratiya-osedlyvaet-biznes/> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Kordonsky S. (2008) “Soslovnaja struktura postsovetsoj Rossii (Chast’ II)” [Estate Structure of Post-Soviet Russia (Part 2)] // *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 17, no. 4: 6–36. (In Russ.)

Levinson A.G. (2015) “Kapitalizm i sotsializm kak mif i legenda” [Capitalism and Socialism as Myth and Legend] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* [Social Sciences and Contemporary World], no. 1: 37–51. (In Russ.)

Makarenko V.P. (2014) “Elity ili gosподstvujushchie men’shinstva?” [Elites or Dominant Minorities?] // *Lider, elita, region: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, 27–28 oktjabrja 2014 g., Rostov-na-Donu* [Leader, Elite, Region: Materials of a Scientific and Practical Conference with International Participation, October 27–28, 2014, Rostov-on-Don]. Rostov-on-Don: Izd-vo JURIU RANKhiGS: 321–336. (In Russ.)

Makarenko V.P. (2021) *Sobranie sochinenij: v 5 t. T. 1: Organizm-parazit: kontsept bjurokratii v trudakh K.Marksa, F.Engel’sa, V.I.Lenina. Revoljutsija i vlast’: razmyshlenija politologa* [Collected Works: In 5 Vols. Vol. 1: The Parasite Organism: the Concept of Bureaucracy in the Works of K.Marx, F.Engels, V.I.Lenin. Revolution and Power: Reflections of a Political Scientist]. Rostov-on-Don, Taganrog: Izd-vo Juzhnogo federal’nogo universiteta. (In Russ.)

Mart’yanov V.S. and L.G.Fishman. (2021) “Sotsial’nye nauki i global’naja turbulentnost’: perezagruzka mejnstrima” [Social Sciences and Global Turbulence: Rebooting the Mainstream] // *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], vol. 65, no. 1: 100–113. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/01_2021/12-MARTYANOV.pdf (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

“Medvedev zachital direktoram zavodov OPK telegrammu Stalina” [Medvedev Read Stalin’s Telegram to the Directors of Defense Industry Plants]. (2023) // *RIA Novosti*, 23.03. URL: <https://ria.ru/20230323/zasedanie-1860172287.html> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Mokhov V.P. (2005) “Nomenklatura kak politicheskij institut v istorii sovetskogo obshchestva vtoroj poloviny 20 veka” [Nomenklatura as a Political Institution in the History of Soviet Society in the Second Half of the 20th Century] // *Upravlencheskoe konsul’tirovanie* [Management Consulting], no. 1: 94–111. (In Russ.)

Nisnevich Yu.A. (2015) *Regeneratsija nomenklatury kak pravjashchego sotsial'nogo sloja* [Regeneration of the Nomenclature as a Ruling Social Stratum]. Preprint WP14/2015/03. Moscow: Izdatel'skij dom Vysšej shkoly ekonomiki. URL: https://www.hse.ru/data/2015/07/20/1086195558/WP14_2015_03.pdf (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Nisnevich Yu.A. and A.V.Ryabov. (2016) “Sovremennyy avtoritarizm i politicheskaja ideologija” [Modern Authoritarianism and Political Ideology] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 4: 162–181. URL: https://www.politstudies.ru/files/File/2016/4/Polis_4_2016-Nisnevich_Ryabov.pdf (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Novikov D.V. (2020) “Rentnoe soznanie sovremennoj rossijskoj elity” [Rent Consciousness of the Modern Russian Elite] // *Nauki o cheloveke, obshchestve i kul'ture* [Sciences of Man, Society and Culture], no. IV-2 (44). URL: <https://www.uzknastu.ru/en/archnum/52-2020-/152--iii-44-2020-1-r.html> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Obolonsky A.V. (2019) “Chinovnik kak sotsial'noe zlo (patologii bjurokraticheskogo soznanija)” [Public Official as a Social Evil (Pathologies of the Bureaucratic Consciousness)] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no. 1: 87–98. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/251444553.pdf> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Pastukhov V.B. (2011) “Predchuvstvie grazhdanskoj vojny. Ot „nomenklatury“ k „kleptoklature“: vzlet i padenie „vnutrennego gosudarstva“ v sovremennoj Rossii” [Prodrome of Civil War. From “Nomenclature” to “Kleptoclature”] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 6: 143–159. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2011/6/13.pdf> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

“Pozner o pravjashchem klasse v Rossii: „Putin okruzhil sebja ljud'mi, kotorye dumajut, kak skazat' to, chto emu ponravitsja” [Posner on the Ruling Class in Russia: “Putin Has Surrounded Himself with People Who Think How to Say What He Likes”]. (2019) // *Business Online*, 28.12. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/452102> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Rakhmanov A.B. (2014) “Kapitalisticheskij klass sovremennoj Rossii i ego osnovnye kharakteristiki” [The Capitalist Class of Modern Russia and Its Main Characteristics] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18: Sotsiologija i politologija* [Moscow State University Bulletin. Series 18: Sociology and Political Science], no. 2: 37–58. (In Russ.)

Rogers A. (2019) *Tak kto pravjashchij klass v Rossii?* [So Who Is the Ruling Class in Russia?] URL: <https://alexandr-rogers.livejournal.com/1111346.html> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Semenov E.V. (2021) “Dolgoe ekho 1991 goda: sotsial'nyj smysl katastrofy” [A Long Echo of 1991: Social Meaning of Country's Disaster] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 8: 14–21. URL: <https://www.socis.isras.ru/files/File/2021/8/Semenov.pdf> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Shkaratan O.I. (2011) “Rossijskaja psevdodelita i ee identifikatsija v mirovom i natsional’nom kontekstakh” [The Russian Pseudo-Elite: Their Identity in the Global and National Context] // *Politicheskaja kontseptologija* [The Political Conceptology], no. 4: 130–140. URL: <https://politconcept.sfedu.ru/2011.4/07.pdf> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Simonyan R.Kh. (2009) “Elita ili vse-taki nomenklatura? (Razmyshlenija o rossijskom pravjashchem sloe)” [Elite or Nomenclature: Reflections on Russian Ruling Class] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* [Social Sciences and Contemporary World], no. 2: 114–124. (In Russ.)

Toshchenko Zh.T. (1999) “Elita? Klany? Kasty? Kliki? Kak nazvat’ tekh, kto pravit nami?” [Elite? Clans? Castes? Cliques? How to Name Those Who Rule Us?] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 11: 123–133. (In Russ.)

Tretyakov V. (2010) *Klass gospod i vladetelej* [Class of Lords and Rulers]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Rus_Jornal/50/11.pdf (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Vol’chik V.V. (2009) “Evoljutsija rossijskogo instituta vlasti-sobstvennosti” [Evolution of the Russian Power-Property Institution] // *Politicheskaja kontseptologija* [The Political Conceptology], no. 1: 154–178. URL: <https://politconcept.sfedu.ru/2009.1/11.pdf> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Yurchak A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos’: Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)